

УДК 351.74:947(470.343)

В. А. Иванов

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ В МИЛИЦЕЙСКИХ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯХ МАРИЙСКОЙ АССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1953 ГГ.)

В статье представлен анализ партийной жизни в милицейских парторганизациях Марийской АССР в первые послевоенные годы. На основе систематизации большого массива многоаспектного историко-правового материала в контексте реализации задач перехода к мирному строительству показаны основные направления по перестройке деятельности милицейских парторганизаций МАССР, форм и методов их работы. В соответствии с новыми историографическими традициями выявлены очевидные успехи, ошибки и просчеты милицейских органов на данном поприще.

Ключевые слова: партийная организация, милиция, Марийская АССР, организационно-партийная работа, критика и самокритика.

Победоносное окончание войны открыло новый исторический этап в жизни Советского государства. В сложной и напряженной послевоенной обстановке важно было в кратчайшие сроки ликвидировать тяжелые последствия войны, перевести экономику на мирные рельсы, восстановить разрушенное народное хозяйство, поднять благосостояние людей.

В борьбе за выполнение новых задач, вставших перед Советским государством, важную роль приобретала деятельность первичных партийных организаций, активность всех коммунистов. Их основные задачи ЦК ВКП(б) определил в постановлениях «О работе партийных комитетов Ивановского меланжевого, Глуховского хлопчатобумажного и Ташкентского текстильного комбинатов» (сентябрь 1946 г.), «О работе партийного комитета Запорожстроя» (апрель 1947) [16]. ЦК ВКП(б) потребовал прежде всего повысить уровень организационно-партийной и политической работы.

Руководствуясь этими документами, в условиях перехода к мирному строительству перестраивали свою деятельность, ее формы и методы и милицейские парторганизации Марийской АССР. В целях конкретизации новых задач, вставших перед ними, в рассматриваемые годы Марийский обком ВКП(б) принял ряд решений – о работе Управления милиции (10 апреля 1946 г.), о работе парторганизации МВД МАССР (27 января 1949 г.) и другие, которые имели определяющее значение для перестройки партийной работы, повышения

уровня партийного руководства, совершенствования его форм и методов. Вскрывая недостатки в деятельности милицейских парторганизаций, обком ВКП(б) потребовал прежде всего принять меры, направленные на повышение уровня руководства, активизацию партийной жизни.

Осуществляя послевоенную перестройку партийной жизни, горкомы и райкомы ВКП(б) изучали партийную жизнь на местах. По итогам этой работы в 1946–1950 годах, в частности, на бюро соответствующих райкомов партии были заслушаны вопросы о работе парторганизации Сернурского (4 сентября 1946 г.) [2], Параньгинского (31 января 1951 г.) [3] и других райотделов МВД (МГБ). Проверка показала, что во многих парторганизациях организационно-партийная и партийно-политическая работа оказалась запущенной. Партсобрания проводились нерегулярно, многие парторганизации не имели плана работы, на собраниях не обсуждались внутрипартийные вопросы, собрания проводились без должной подготовки, и коммунисты не принимали активного участия в обсуждении вопросов. Не было должного порядка ведения партийного хозяйства, протоколы проводимых собраний оформлялись несвоевременно, контроль за выполнением принятых решений не осуществлялся. На партсобраниях Пектубаевского РОМ по ряду обсуждаемых вопросов решения вообще не принимались [4, д. 53, л. 90].

Наличие серьезных недостатков в работе милицейских парторганизаций признавали сами коммунисты: «повестку дня узнаем в день проведения

собрания, тогда, когда открывается собрание», «докладчики бывают часто неподготовленными» (Ронгинское РОМ, 10 ноября 1947 г.) [5, д. 2, л. 263]; «собрания созывались нерегулярно, слабо велась подготовка к ним» (Параньгинское РОМ, 17 июля 1951 г.) [6, д. 4, л. 26].

Активность партийных масс несколько ожило возвращение к практике регулярного проведения отчетно-выборных собраний как того требовал Устав ВКП(б). Такие собрания состоялись во всех первичных парторганизациях системы МВД Марийской АССР: в Йошкар-Оле [7, д. 3, л. 92–96], Ронге [5, д. 2, л. 79], Сернуре [8, д. 9, л. 20, 167], Параньге [6, д. 3, л. 130–133], Морках [9, л. 117] и др. Они прошли в обстановке деловой критики и самокритики, проверки кадров по политическим и деловым качествам. Секретарями бюро парторганизаций выдвигались наиболее опытные и подготовленные работники. В рассматриваемые годы парторганизацию Йошкар-Олинского ГОМ, в частности, возглавляли Р. И. Царегородцев и Г. Н. Алексеев, Параньгинского РОМ – К. Я. Аношкин. Освобожденным секретарем партийного бюро МВД МАССР в 1948–1951 годах был Б. И. Грунин. Именно энергия и деловитость этих партийных вожаков в значительной мере определяли состояние и эффективность работы среди личного состава.

Совершенствовалась структура милицеских партийных организаций, налаживалось взаимодействие, укреплялись их организационные связи с партийными органами. В начале 1946 года в центральном аппарате МВД МАССР было 173 члена ВКП(б) и 24 кандидата в члены партии, объединенных в пяти первичных парторганизациях. Партийная организация управления милиции насчитывала в своих рядах 39 членов ВКП(б) и 6 кандидатов в члены партии. В отделе исправительно-трудовых колоний (ОИТК) было соответственно 5 членов партии и 3 кандидата в члены ВКП(б), в отделе пожарной охраны – соответственно 10 и 3, в тюремном отделении – 16 и 3, в МВД – 71 и 9.

Однако сложившаяся сеть парторганизаций и отсутствие единого партийного руководства непосредственно в аппарате министерства вызывало большие трудности в работе первичных парторганизаций. Между тем возросшие задачи и объем работы органов внутренних дел требовали коренного улучшения партийно-политической работы среди коммунистов и сотрудников аппарата министерства. В связи с этим по решению обкома и Йошкар-Олинского ГК ВКП(б) в начале 1946 года было принято решение о слиянии партийных

организаций центрального аппарата, управления милиции и ОИТК [10, д. 31, л. 22]. Одновременно была введена штатная единица секретаря первичной парторганизации МВД МАССР [11, л. 169].

Повышению партийного влияния служило расширение сети первичных организаций. В послевоенные годы они продолжали, как правило, действовать в рамках нескольких районных учреждений (суда, прокуратуры, милиции и органов государственной безопасности). К 1952 году в Марийской АССР милицеские парторганизации объединяли свыше 280 членов и кандидатов в члены партии. Они имелись теперь во всех районных отделениях милиции. Это были, как правило, цеховые организации – на правах первичных, а также партийные группы на важнейших участках правоохранительной деятельности.

Дальнейшему усилению организационно-партийной работы способствовало постановление бюро обкома ВКП(б) «О работе парторганизации МВД Марийской АССР» (27 января 1949 года). Оно обязало парторганизации активизировать внутрипартийную жизнь, сосредоточить усилия на политическом воспитании личного состава, развешивать критику и самокритику [10, д. 45, л. 80].

Во исполнение принятого решения партийные организации активизировали усилия. Так, в Управлении милиции в течение 1951 года состоялось 18 партийных, а также 5 общих собраний сотрудников. Было проведено более 20 заседаний партийного бюро. На них обсуждались итоги пленумов Марийского обкома, Йошкар-Олинского ГК ВКП(б), республиканского и городского (Йошкар-Ола) партийных активов органов милиции и др. [12]. Перед личным составом выступали ответственные работники обкома и Йошкар-Олинского ГК ВКП(б) [10, д. 45, л. 175].

В результате усилий партийных комитетов несколько поднялся уровень партийно-политической работы. Обстоятельней и глубже, чем в военные годы, стали анализировать и изучать работу партийных организаций, привлекать более широкий круг партийного актива милиции к обсуждению важнейших вопросов правоохранительной деятельности. Так, одно из таких собраний республиканского партийного актива органов милиции состоялось 7 июля 1952 года. На нем был обсужден вопрос «О мерах улучшения политико-воспитательной работы среди личного состава работников милиции» [1, д. 53, л. 1]. 27 февраля 1953 года партактив вновь вернулся к рассмотрению этого вопроса [4, д. 396, л. 1]. Собрание комсомольского актива органов милиции МГБ МАССР

состоялось 26 января 1953 года [1, д. 2, л. 1]. На всех этих собраниях коммунисты смело вскрывали недостатки в работе милиции, ее парторганизации, вносили предложения по улучшению их организационной, воспитательной работы.

Заботой о дальнейшем повышении действенности организационно-партийной работы было пронизано постановление бюро обкома ВКП(б) от 25 июня 1952 года. Оно предложило парторганизациям повысить уровень проведения партийных собраний, всемерно развивать критику и самокритику недостатков, чаще обсуждать в парторганизациях вопросы укрепления дисциплины в аппарате, повышения авангардной роли коммунистов, идейно-теоретической и специальной подготовки работников. Областной комитет обязал улучшить руководство городским отделом и районными отделениями, усилить контроль за их работой [4, д. 395, л. 29].

Надо признать, что в военные и первые послевоенные годы заслушивание отчетов органов внутренних дел как о работе в целом, о выполнении партийных решений, так и по отдельным вопросам их деятельности на заседаниях бюро обкома, горкома и райкомов партии приобрело относительно редкий, спорадический характер. В июле 1953 года секретарь обкома КПСС А. М. Спиридонов признался: «Что касается проверки и заслушивания органов МВД, то партийный контроль ограничивался утверждением кадров и утверждением отдельных частных вопросов. Нужно из этого факта сделать вывод и усилить контроль за деятельностью органов МВД» [4, д. 33, л. 55]. Министр С. В. Годунов отмечал, что «министерство и его органы на местах за время моей работы в республике в течение 4-х лет и до меня много лет никто и никогда не заслушивался» (на бюро обкома, райкомов партии, в Совете министров, в райисполкомах. – *В. И.*).

Нельзя сказать, что местные партийные руководители не хотели определять приоритеты правоприменительной политики, контролировать исполнение принятых ими решений, они скорее побаивались столь могущественного и крайне засекреченного и непредсказуемого ведомства, каковым являлось НКВД. Подобное отношение партийного аппарата к правоохранительным органам взрастило репрессии 1930–40-х годов. Осуществленные во многом руками органов государственной безопасности, не пощадившие и партийную элиту, и многих рядовых коммунистов эти репрессии по-настоящему напугали страну, ее жителей. Вплоть до смерти Сталина даже самые высокопо-

ставленные партийные и советские руководители республики испытывали постоянный страх за свою жизнь, личную безопасность и свою карьеру. Стремление избежать преследования за вскрытые недостатки и разоблачение негативных явлений лишило партийные органы районного и областного звена желаний контролировать НКВД. Тем самым периодическая отчетность органов внутренних дел в различных формах как средство контроля за их деятельностью со стороны партийных органов была сведена к минимуму.

Однако контроль за деятельностью милицеских парторганизаций, критика их недостатков и ошибок, возникавших при решении сложных послевоенных проблем являлось одной из важных задач партийных комитетов. Исходя из этого, 26 октября 1949 года обком партии осудил факты зажима критики в ОИТК МВД Марийской АССР, указал на порочность действий, призванных не допустить критику. Подобные действия, по оценке обкома ВКП(б), притупляли у работников чувство непримиримости к недостаткам, порождали обстановку благодушия и самоуспокоенности, отрицательно сказывались на морально-политическом состоянии людей. Обком партии подчеркнул ответственность руководителей правоохранительных органов, партийных организаций за состояние критики и самокритики и обязал их по всей строгости взыскивать с каждого, кто допускает факты зажима критики.

Решение обкома партии стало предметом обсуждения во всех подразделениях и горрайорганах внутренних дел. Уже на следующий день с докладом о решении бюро ОК ВКП(б) на внеочередном собрании парторганизации МВД МАССР выступил первый секретарь Марийского обкома партии Г. Кондратьев [10, д. 45, л. 175–178].

Принятые решения, их реализация к началу 1950-х годов позволили создать в милицеской среде обстановку, в которой критика велась достаточно открыто, и вместе с тем у каждого сотрудника была возможность выслушать претензии в свой адрес, получить оценку своей деятельности. Причем критика шла, невзирая на лица, затрагивая порою весьма могущественных лиц. Так, на собрании партактива органов милиции МГБ МАССР 7 июля 1952 года начальник отдела кадров МВД заявил, что в работе с кадрами повинен не только он, но и повинны министр В. А. Парфенов, его заместитель Р. М. Мамаев¹ [17, с. 172],

¹ По мнению профессора К. Н. Санукова это был «исправный исполнитель террора, ... нравственно и интеллектуально ограниченный человек с начальным образованием».

а также начальники подразделений. Со стороны руководства МВД, по мнению выступавшего, «помощь в работе отделу кадров оказывалась недостаточная»; «сам министр вопросы кадров решал единолично без отдела кадров» [10, д. 73, л. 13]. Другой, выступивший в прениях, заявил: «Если в семье плохой отец, то и нет порядка среди детей. Если бы тов. В. А. Парфёнов предъявлял серьезные требования к самому себе в первую очередь, то не было бы и такого положения» [10, д. 73, л. 13].

Подобная критика, несмотря на то что она нередко вызвала у критикуемых желание отомстить [15], звучала в те годы повсюду на партийных форумах, и ее объектом мог стать любой работник, независимо от занимаемого им поста. Критика эта была, безусловно, общественно значимой, продиктованной желанием устранить недостатки, предостеречь от неправильных поступков тех или иных сотрудников.

Однако, на наш взгляд, она носила явно порочный, однобокий характер, была лишена разумных пределов. Акцент, как правило, делался лишь на недостатках, напрочь оказывались отброшенными достигнутые успехи. «Из доклада видно, что почти ничего нет у нас хорошего, а только все плохое»; «было сказано о плохой работе, начиная от министра и кончая рядовым стрелком», – отмечали участники собрания партактива органов милиции МГБ МАССР, состоявшегося 7 июля 1952 года [10, д. 73, л. 13].

Впрочем, несмотря на очевидность того, что критика и самокритика недостатков в работе органов милиции лилась через край, руководство МГБ МАССР, управления милиции, равно как и партийные органы, высказывали неудовлетворенность состоянием критики. И раз за разом выносили оценки, согласно которым критика и самокритика якобы находились «на низком уровне», отмечалось наличие «фактов замалчивания и скрывания недостатков, нарушений и даже преступлений» [4, д. 396, л. 53]. Причем призывы «развертывать критику и самокритику» звучали практически в каждом постановлении бюро обкома партии, посвященном милиции [4, д. 395, л. 29; 10, д. 45, л. 80].

С завершением Великой Отечественной войны усилилось внимание к вопросам укрепления партийных рядов среди личного состава милиции. Выполняя Постановление ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)»,

милицейские парторганизации усилили работу по пополнению милиции лучшими коммунистами, представителями рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, стали больше заниматься марксистско-ленинским воспитанием коммунистов. Как итог – в 1946–1951 годах партийная прослойка в милиции возросла с 34,8 % в 1946 году до 49 % в 1951 году, увеличилась и доля комсомольцев – с 15,8 % [11, л. 135] до 24 % [4, д. 53, л. 94]. Подавляющую часть нового пополнения составили коммунисты-фронтовики, прошедшие суровую школу на полях сражений. Однако темпы пополнения милиции передовыми коммунистами и комсомольцами партийные органы были признаны недостаточными. Особенно это стало важно в начале 1950-х годов, когда произошло некоторое замедление роста милицейских парторганизаций. Так, по признанию бюро Парангинского РК ВКП(б) парторганизация РО МГБ совершенно не занималась ростом своих рядов, в результате за 1949–1950 годы не приняла в партию ни одного человека.

В ходе работы по повышению качественного состава милиции проявилось немало ошибок и упущений. Особую тревогу вызывали слабая общеобразовательная подготовка и низкий культурный уровень коммунистов-работников милиции. Отмечалось, что многие из них не читали газет, журналов и художественной литературы, в обращении с населением допускали грубость, нецензурные выражения, неряшливость во внешнем виде [11, л. 106]. Такая оценка обкома ВКП(б) лично составу милиции была вынесена в 1946 году. Но она в равной мере может быть распространена и на весь рассматриваемый нами период. Свидетельством тому могут служить выдержки из протоколов партсобраний: «Я занимаюсь мало над повышением уровня, слабо знаю русский язык, художественную литературу читаю мало, что отрицательно сказывается в практической работе» (Моркинский РОМ, 13 апреля 1947 г.) [13]; «многие коммунисты не знают международной и внутренней обстановки», «не читают художественную литературу» (Ронгинский, 11 сентября 1948 г.) [5, д. 3, л. 50]; «имеют место факты повседневного нарушения формы одежды, работники милиции ходят без погон и с грязными подворотничками» (Сернурский, апрель 1952 г.) [8, д. 10, л. 21]. В 1947 году в Моркинском РОМ были выявлены факты совершения отдельными милиционерами-коммунистами религиозных обрядов – по тем временам совершенно недопустимых действий, предусматривавших исключение из рядов партии [9, л. 9].

Слабая общеобразовательная подготовка, низкий культурный уровень сотрудников милиции порождали в работе партийных организации немало политических ошибок. На партийных собраниях при обсуждении тех или иных вопросов нередко давались крайне путаные, извращенные и политически неверные определения отдельных положений. В связи с этим 27 октября 1947 года бюро Ронгинского РК ВКП(б) специально рассмотрело вопрос «О фактах допущения политических ошибок первичной партийной организацией РО МВД» [13].

И еще. МВД Марийской АССР представляло большой и сложный государственный организм, располагавший многочисленными структурными подразделениями, личным составом, между которыми складывались самые различные связи и отношения. От того, каковыми они были между сослуживцами, структурными подразделениями, а также рядовыми сотрудниками и их руководителями во многом зависел успех правоохранительной деятельности. Надо признать, что для большинства милицеских коллективов были характерны прочные узы товарищества и взаимопомощи, искреннего доверия и уважения друг к другу. Но не везде атмосфера в коллективе складывалась подобным образом. Так, в январе 1949 года, по оценке бюро обкома партии, крайне нездоровые взаимоотношения сложились в центральном аппарате МВД Марийской АССР. Разногласия и неприязненные отношения возникли между его руководящими работниками – З. А. Фатяновым, Демичевым, М. И. Маркеевым и др. [10, д. 45, л. 80]. Несмотря на серьезный разговор, состоявшийся по этому поводу на бюро обкома партии и в самом министерстве, положение менялось медленно. Так, по свидетельствам самих сотрудников, и в 1952 году в аппарате министерства продолжались конфликты, царил атмосфера склочничества [10, д. 73, л. 13].

«Много склоков», «ненормальных явлений» имели место в Йошкар-Олинском ГОМ, других районных отделениях милиции [7, д. 9, л. 146]. Попытки сведения личных счетов были в Параньгинском РОМ. Они нашли осуждение на собрании парторганизации 26 марта 1949 года [6, д. 3, л. 84]. Озабоченность морально-политическим состоянием и состоянием дисциплины среди личного состава тогда же вынудила коммунистов Мари-Турекского РО МВД специально рассмотреть этот вопрос на партсобрании. Выступавшие отмечали, что «взаимоотношения между работниками не совсем нормальные, развиты сплетни, критика и самокритика

отсутствуют, дисциплина плохая, культура отсутствует, работники слабо разбираются в политике» [13]. Взыскания, накладывавшиеся на сотрудников за нетактичное поведение со своими коллегами, не давали должных результатов.

Сотрудников милиции, безусловно, больно задевало недостаток внимания к материальному состоянию, условиям их жизни. На партийных собраниях по этому поводу нередко выплескивались укоры в адрес милицеского и партийного руководства. «Не интересуются, где и как живут милиционеры, какое у них материальное положение? Многие с семьей без квартиры и никаких мер по поводу предоставления квартиры не принимаются», – отмечалось в одном из выступлений на партийном собрании в Йошкар-Олинского ГОМ в феврале 1953 года [7, д. 9, л. 62]. «В отношении квартир нет никакого сдвига, ... Сотрудники не видят своих детей, не ходят в кино, неужели нет закона для милиции?», – вопрошал сотрудник Волжского РОМ в 1953 году. И не без оснований продолжал рассуждать: «Руководство Управления милиции и парторганизация должны заботиться об этом» [15].

Таким образом, в рассматриваемые годы обнажились очевидные изъяны в работе правоохранительных органов страны в целом и Марийской АССР, в частности. К их числу, прежде всего, следует отнести снижение престижа и авторитета органов внутренних дел, падение дисциплины среди личного состава, кадровую «чехарду». «Личный состав не занимается полезным делом, а занимается бездельем и пьянствует», – откровенно признавались сами сотрудники милиции [6, д. 4, л. 13]. В то же время за годы послевоенного восстановления страны партийные организации накопили значительный опыт организационно-партийной работы, сложились устойчивые вместе с тем довольно гибкие, разнообразные формы, методы, которые постоянно совершенствовались, корректировались с учетом повседневной практики. Это, безусловно, способствовало повышению эффективности деятельности органов правопорядка, активизации наступательной борьбы против преступности.

1. Архив МВД по РМЭ. Ф. 41. Оп. 6.
2. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 682. Л. 36, 44–46.
3. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 356. Л. 24.

4. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-1. Оп. 7.
5. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-660. Оп. 1.
6. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-504. Оп. 1.
7. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-821. Оп. 1.
8. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-153. Оп. 1.
9. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-646. Оп. 1. Д. 9.
10. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-258. Оп. 1.
11. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-1. Оп. 15-а. Д. 3.
12. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-263. Оп. 1. Д. 24. Л. 19.
13. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-269. Оп. 1. Д. 27. Л. 20–21.
14. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 318. Л. 101.
15. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П-701. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.
16. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 2. М., 1980. С. 218–219.
17. Сануков К. Н. Из истории Марий Эл: трагедия 1930-х годов: монография / Мар. гос. ун-т. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола, 2005.
1. Arhiv MVD po RMJe. F. 41. Op. 6.
2. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-5. Op. 1. D. 682. L. 36, 44–46.
3. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-17. Op. 1. D. 356. L. 24.
4. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-1. Op. 7.
5. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-660. Op. 1.
6. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-504. Op. 1.
7. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-821. Op. 1.
8. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-153. Op. 1.
9. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-646. Op. 1. D. 9.
10. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-258. Op. 1.
11. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-1. Op. 15-a. D. 3.
12. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-263. Op. 1. D. 24. L. 19.
13. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-269. Op. 1. D. 27. L. 20–21.
14. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-20. Op. 1. D. 318. L. 101.
15. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel. F. P-701. Op. 1. D. 6. L. 96.
16. Istorija Kommunističeskoj partii Sovetskogo Sojuza. T. 5. Kn. 2. M., 1980. P. 218–219.
17. Sanukov K. N. Iz istorii Marij Jel: tragedija 1930-h godov: monografija. Mar. gos. un-t. 2-e izd., dop. Joшkar-Ola, 2005.

Статья поступила в редакцию 22.10.2015 г.

V. A. Ivanov

Mari State University, Yoshkar-Ola

PARTY LIFE IN MILITIA PARTY ORGANIZATIONS OF THE MARI ASSR IN THE POST-WAR YEARS (1945–1953)

The article presents an analysis of party life in militia party organizations of the Mari ASSR in the early post-war years. The main directions for the restructuring of militia party organizations of the MASSR, forms and methods of its work are shown on the basis of the systematization of a large array of the multifaceted historical and legal material in the context of problems of transition to peaceful construction.

Keywords: party organization, militia, the Mari ASSR, party organizational work, criticism and self-criticism.